

Оглавление

Предисловие. Побег	5
Глава 1. Финляндия. 6–16 сентября 1839 года	17
Глава 2. Санкт-Петербург. 16 сентября — 7 октября 1839 года	33
Глава 3. Москва. 12 октября 1839 года — 5 февраля 1840 года	67
Глава 4. Наедине с Венерой.	135
Глава 5. Нижний Новгород — Лысково. 6–14 февраля 1840 года	177
Глава 6. Казань — Сарепта — Астрахань. 15 февраля — 23 марта 1840 года	203
Глава 7. Кизляр — Мцхета. 25 марта — 12 апреля 1840 года	253
Глава 8. Тифлис. 12 апреля — 12 мая 1840 года.	287
Глава 9. Баку. 13 мая — 2 июня 1840 года	321

Глава 10. Кутаис — Рача — Кутаис. 22 июня — 4 августа 1840 года	341
Глава 11. Без места. Без даты	363
Послесловие. Возвращение	377
Приложение. Письма Анны Листер из России	381
Архивы Анны Листер	395
Карта путешествия Анны Листер.	396

Побег

Жизнь начиналась с цифр. С черных хвостатых арабских цифр на циферблате старинных семейных часов в особняке Листеров, йоркских эсквайров. Стройные, словно ножки балерины, стрелки застыли в серебряном арабеске: короткая — на шести, длинная — на четырнадцать. Было 6 часов 14 минут утра 3 апреля 1791 года, когда новорожденная издала первый крик, слишком громкий и низкий для девочки. И если бы Анна Листер умела тогда держать перо, она непременно записала бы, что ее первый басовитый плач длился 4 минуты 37 секунд. Но писать она научилась в шесть лет. А дневник завела в пятнадцать. Он тоже начался с цифр: «1806 год [карандашом], понедельник, 11 августа [чернилами]».

В понедельник 11 августа 1806 года в старинном семейном особняке Шибден-холл, в своей холодной опустелой спальне Анна Листер написала первую страницу дневника — дата и ниже короткая строчка: «Элайза покинула нас». С Элайзой Рейн она делила комнату в школе для девочек Менор Хауз, а летом — спальню в Шибдене. С Элайзой она поделила первое пылкое чувство — нечто среднее между юношеской влюбленностью и рыцарской трепетностью в стиле сэра Вальтера Скотта.

Элайза была кроткой ланью с пленительно-печальными миндалевидными глазами, робким маленьким послушным ртом и шелковистыми волосами, которые Анна лелеяла в ласковых влюбленных руках, когда по утрам помогала подруге с укладкой. Она забрасывала

мисс Рейн наивными письмами и каждое с маниакальной точностью регистрировала в своем дневнике: *«Написала ей 14 августа. Вновь написала ей в воскресенье, 17-го. И в понедельник вечером 18-го снова ей написала. В среду 20 августа получила от нее письмо и написала ответ на следующий день 21-го...»* Ни строчки про любовь, ни полслова про страдания от разлуки. В ее дневнике — лишь цифры и короткие бесстрастные фразы, как в отчете бухгалтера: получила — ответила, получила — ответила вновь.

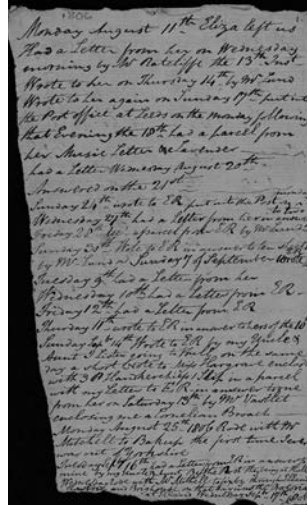
Но в этих цифрах и канцелярских словах были зашифрованы чувства — любовь и страдание. В ее жизни они всегда шли рука об руку. Когда Элайза покинула Шибден-холл, безутешная Анна взялась за перо, чтобы как-то унять сердечную боль. С годами проблем прибавилось: смерть близких, зрелая несчастная любовь, неудачные капиталовложения, расстроены финансы, способности, не переросшие в талант, исследования, не ставшие открытиями, дерзкая экспедиция в Пиренеи, не замеченная никем... Все замечал, понимал и учитывал лишь ее дневник. Юношеская отдушина превратилась в манию. Анна исписывала страницы, сочиняя, составляя, возводя из кирпичиков цифр и убористой скорописи свою реальность, в которой она — всегда в центре, она — главный герой, вечный победитель, рыцарь без страха и упрека, умный, пунктуальный, щедрый, благородный джентльмен, само совершенство, сам идеал.

В этой бумажной, разлинованной, пронумерованной, без помарок жизни, конечно, тоже были проблемы и даже поражения, но самоотверженная мисс Листер элегантно с ними справлялась, находила гениальные решения, придумывала остроумные выходы, толково объясняла причины неудач, случившихся лишь из-за людской глупости или «вследствие объективных обстоятельств непреодолимой силы», как это верно формулировали адвокаты.

Обдуманное слова и короткие фразы дневника емко описывали события. Цифры объясняли их суть, упрощая жизнь до понятных единиц измерения — веса, объема, цен, температуры, точного местоположения. Но, сцепленные с древнегреческими и латинскими буквами, цифры обращались в тайный шифр, придуманный Анной в пятнадцать лет. В этих нервных прыгающих строчках пульсирует, словно хочет вырваться, настоящая жизнь, та самая — ненавистная, неудобная,

Анна Листер в юности. Миниатюра. 1800-е гг. Шибден-холл, Галифакс

Первая страница дневника Анны Листер. Август 1806 г. Архивная служба Западного Йоркшира. West Yorkshire Archive Service, Calderdale, SH: 7/ML/E/26

пошлая, грешная, от которой Листер убежала в свой дневник, но куда реальность все же проложила извилистые хвостатые тропки.

В шифрах все самое честное — поражения, проигрыши, сплетни, опасные анекдоты и анекдоты неприличные, скандалы с любовницами и сексуальные с ними утехы, цвет и запах переваренной ею пищи, количество прыщей, вскочивших на лице подруги, тупоумие родственников, скаредность продавцов, недопустимо высокие цены в магазинах, позорные дырки на гольфах и время, потраченное на их штопанье. Без этих шифров слова дневника обманчивы. Без цифр — абстрактны. Но вместе — это объемный слепок с подлинной жизни Анны Листер. И если бы она пережила свой дневник, то непременно произвела бы подсчеты: начат 11 августа 1806 года, прерван 11 августа 1840 года, итого — 34 года, 27 томов, 7720 страниц и около пяти миллионов слов. Она была бы, определенно, горда собой — в знаменитом дневнике Сэмюэля Пипса всего полтора миллиона слов.

Мэри Эллен Бест. Изабелла Норклиф (первая слева) со своей семьей. Акварель, 1820-е гг. Частная коллекция

В бумажной жизни Листер с цифр начинается почти все — даже любовь. Цифры дневника сообщают год и день первой встречи с очередной пассией, точное, по Гринвичу, время зарождения чувства, количество проведенных вместе часов и сладчайших моментов наивысшего чувственного блаженства — эти моменты Анна именovala *kisses*, «поцелуями». Когда же она достигала блаженства в одиночестве, думая о любовницах, эти минуты назывались «несением креста».

В цифрах скрыт и холодный расчет. Элайза, робкая изящная лань, была дочерью хирурга Ост-Индской компании. Через шесть лет после их знакомства, в 1812-м, она должна была вступить в право наследства. Девушки тайно обменялись кольцами — в знак вечной любви и в залог будущего безбедного семейного счастья. Но планы пошли прахом. Анна неожиданно воспылала новой страстью. Ее звали Изабелла Норклиф, друзья называли ее Тиб. Она имела знатное происхождение, обширные связи, богатство, добрый нрав и хорошие зубы. Будучи на шесть лет старше, Изабелла уже кое-что знала о жизни и любви.

С ней было интересно. Они вместе ходили в театр. Тиб превосходно знала репертуар, не пропускала ни одной премьеры и сама иногда играла — то умирающую Дездемону, когда Анна была холодна, то чувственную одалиску Магриба, когда Анна нежно ее ласкала. Однажды убедительно сыграла сцену из Гамлета, повторяя точь-в-точь движения и реплики Франсуа Тальма, именитого французского актера. *«У нее, бесспорно, незаурядный актерский талант»*, — отметила Листер в дневнике.

С ней было весело. Они посещали салоны и рауты, гуляли по готическим улочкам Йорка, взбирались на лысые холмы к средневековым руинам (полная Тиб не попевала за подругой — мучилась отдышкой). На взмыленных жеребцах кисти вдохновенного Жерико они неслись над изумрудно-болотистыми живописными равнинами. Иногда вместе охотились и упражнялись в стрельбе из пистолетов — Анна часто уступала Изабелле, истинной, хоть и рыхлой амазонке.

С ней было уютно — сидеть в тихой сумеречной гостиной среди шелковых цветов, позолоченной листвы портретных рам, фарфоровых мелочей и случайных книжиц, в этом безупречном, округлом, завершенном английском мещанстве, которое Анна презирала, а Изабелла любила всем сердцем. И пока она втолковывала ветреной хохотливой подружке принципы антиномии Канта и основы евклидовой геометрии, та полулежала на кушетке, мяукала: *«Oh, really?»*, закатывала глаза и бессовестно лакобилась жирными птифурами. Изабелла была прелестна.

Но Мариана была лучше: *«Она очаровательна и наделена бесценным характером, который уже покориł меня. Помимо прекрасных душевных качеств она обладает прелестной внешностью. Никто на земле так не любил, как я любила Мариану»*.

Они понимали друг друга с полуслова, а иногда вовсе обходились без слов — и эти особые чувственные моменты Анна скрупулезно записывала в дневник, считая количество и оценивая качество обоюдных любовных ласк: *«Прошлой ночью — сразу два „поцелуя“. М[ариана] шептала в продолжение нашего любовного акта. „Ах, — простонала она, — будешь ли ты любить другую?“ Она знает, как подстегнуть нашу страсть. И в самый пик наслаждения прошептала мне: „Как приятно“. Все ее „поцелуи“ прекрасны. Никто еще не дарил мне таких бесподобных „поцелуев“»*.

Листер могла бы назвать подругу неземным совершенством, безупречным твореньем богов, если бы не один недостаток — бедность. Мариана Белькомб была всего лишь одной из пяти дочерей скромного йоркского доктора — ни обширных владений, ни банковского счета, ни богатого приданого. Анна, едва сводившая концы с концами, не сумела бы ее содержать. Это она понимала, но делить Мариану ни с кем не желала. Как она рыдала, как умоляла ее не выходить замуж, не убивать их святую любовь, не портить свою жизнь. Как она просила отвергнуть этого мерзкого йоркского сэра, Чарльза Лоутона, предложившего Мариане руку и сердце — руки у него были крепкие, хваткие, мужские, а вот сердца не было — и ума, кажется, тоже. Это Анна объясняла подруге, волнуясь, плача, путаясь в мыслях, словах, цифрах. Но та безучастно смотрела в окно — пейзаж за ним был столь же сер, холоден и безразличен к игривому солнцу, как она к мольбам Анны. «Решение принято, я выйду за него», — был ответ. И дальше пустота — дневник потерял дар речи, строчка повисла на полудфразе. Анна чуть не сошла с ума.

Отныне Листер носила лишь байронический черный в знак вечного траура по отвергнутой любви. И стала более мужественной в своих нарядах — полюбила жилеты, рединготы, сюртуки, цилиндры и каскетки, высокие сапоги, трости, стеки и большие карманные часы на цепочке. Ее часто принимали за господина. Крепкие простофили на темных улицах окрикивали «Джеком». Было в английском языке такое выражение — Jack the Lad («Парень Джек»), означавшее бабу-мужлана. Но Листер, истинный английский эсквайр, была «Джентльменом Джеком». Так ее иногда называли соседи — в шутку. Любовницы именовали ее Фредди. Это имя нравилось ей больше всех прочих.

После свадьбы Марианы она не находила себе места, позорно по-женски рыдала, подумывала о самоубийстве. И подруга сжалась — озвучила долгожданные цифры. Ей — двадцать восемь лет, но ее супругу — без малого сорок пять. Следовательно, жить ему осталось десять, ну от силы пятнадцать лет. Когда он отдаст наконец Богу душу, если она вообще у него имеется, Мариана делается безутешной вдовой и законной наследницей состояния. И вот тогда они с Фредди заживут вместе в радости, любви и достатке. Нужно потерпеть,

Портрет Анны Листер. 1822 г. Коллекция Музея Колдердейла, архив Западного Йоркшира

немного подождать. Звучало многообещающе. Предательские бабские слезы на глазах Анны высохли.

Но у Чарльза Лоутона было отменное здоровье, умирать не входило в его планы. Листер пришлось делить с ним Мариану и позже лечиться от сифилиса, который образцовый супруг передал своей жене. Несмотря на уговоры и мольбы, расчетливая Мариана не желала покидать опостылевшего мужа, деньги которого значили куда больше нежных ласк и умелых «поцелуев». Анна мучилась и спасалась дневником — исписывала страницы, и ей становилось легче. Листер тогда поняла про себя две вещи: она никогда не выйдет замуж и ей всегда будут нравиться женщины: *«Я люблю только женщин, исключительно женщин и любима ими в ответ. Моя душа противится любой другой любви».*

Она пыталась забыться в кратких романах. Их было множество, этих легких, пьянящих, словно шампанское, любовей: Элизабет

Шибден-холл, семейное поместье Анны Листер. Снимок 1910-х гг.

Браун (ее очаровательная Каллиста), Мария Барлоу, Сибелла Маклин, Мэри Валланс, Нантц Белькомб, Харриет Милн, Френсис Пикфорд... Со всеми и ни с кем. Любима, но всегда одна. Наконец ей это надоело. Она прогнала амуров-лжецов. И задумалась о семье.

Листер мечтала о настоящей крепкой идеальной семье, о верной безропотной спутнице с хорошим происхождением и крупным капиталом. Оставив надежду соединиться с Лоутон, она составила список подходящих кандидатур и вечерами не спеша просматривала его, обдумывала, взвешивала: Маккензи, леди Элизабет Теккерей, мисс Холл, мисс Фриман, Луиза Белькомб, мисс Прайс, мисс Сальмон, мисс Уокер...

Сложно сказать, что удивляет больше — длина списка или самоуверенность его составителя. Листер смело, без раздумий внесла всех мало-мальски хорошеньких и богатых барышень округи, не интересуясь ни их мнением о «противоестественных» чувствах, ни их реакцией на неоднозначное предложение руки и сердца. Сноб Анна Листер могла не думать о таком мещанском вздоре.

Она принимала в расчет все за (имя, титул, связи, деньги, красота, хорошие ножки) и против, вымарывая или отмечая имя галочкой.

Церковь Святой Троицы, Йоркшир. Здесь Анна Листер тайно обвенчалась с Энн Уокер. Снимок 1880-х гг.

В результате осталась лишь Энн Уокер, на двенадцать лет младше, не замужем, хороша собой, хозяйственная, послушная, скромная, из уважаемого йоркского семейства, но главное — богатая: собственный особняк в Лайтклиффе, жирные плодородные земли, внушительные счета в банках. Как раз для Листер.

После первого обстоятельного знакомства и долгой придирчивой беседы, Джентльмен Джек поняла, что не ошиблась. Барышня неожиданно нежно отреагировала на ухаживания, и Анна, не теряя времени, перешла к конкретике — она хотела, чтобы Энн стала ее женой

и своими деньгами поддерживала все ее проекты, деловые и житейские. Через два года Уокер переехала к любовнице в Шибден-холл, и вскоре они стали супругами, тайно обвенчавшись в церкви Святой Троицы в Йорке. Теперь не только тело и душа, но и состояние мисс Уокер целиком принадлежало Джентльмену Джеку.

Анна рассчитывала преуспеть в бизнесе. Но дела с угольной шахтой близ Галифакса не заладились. Деньги уходили в песок. Нортгейтхауз, превращенный в отель, отнял много сил и потребовал больших затрат, но доходов пока не приносил. Все это, однако, не помешало начать дорогостоящую реконструкцию Шибден-холла: предстояло снести потолки, убрать лестницы, расширить жилую площадь, что-то добавить, что-то построить, что-то изменить. Работы начались. Деньги стремительно исчезали. Анна обращалась к своей супруге, мисс Уокер, и та снова выписывала чеки, чувствуя, что бросает их на ветер.

Ко всем этим неурядицам добавились трагические обстоятельства: в апреле 1836 года умер отец Анны, Джереми Листер, а в октябре того же года — любимая тетушка, похороны которой оплатила мягкосердечная Уокер. Но и у ее ангельского терпения были пределы. Подруги часто ссорились, Энн плакала, Анна кричала, потом просила прощения — она не могла потерять свою супругу, значившую гораздо больше цифр в сметах. Та была ее семьей, опорой, тылом, лекарством, спасавшим от одиночества и пагубных мыслей о Мариане.

Когда количество проблем и выпланных слез превышало все мыслимые пределы, Анна и Энн отправлялись в какое-нибудь сложное длинное путешествие с огромным багажом и целым списком исследовательских задач, которые Анна, словно член академии, ставила перед собой, — дойти, проверить, выявить, произвести обмеры, экстрагировать образцы... Так они убегали — от неприятностей, долгов, ссор, слез. Энн, к счастью, любила путешествия и в поездках успокаивалась.

В 1838 году они отправились на юг Франции, к Пиренеям. Там Листер совершила героическое восхождение на Виньмаль (3299 метров), первой в истории покорив эту высоту. Кто об этом узнал? Никто. Следом за Анной туда взошел другой джентльмен, и газеты разнесли его имя по всему белу свету. Анна обратилась в суд, но журналисты и людская молва уже объявили принца Эдгара Нея покорителем горы. Это было еще одним поражением в жизни

Листер, вдвойне обидным, потому что законную победу вырвал из ее рук не просто мужчина, а отпрыск бонапартовского маршала, враг всех англичан.

А денег все не было, и домашние проблемы росли. Энн часто скучала, плакала без повода или сидела целыми часами, вперившись страшными стеклянными глазами в пустоту. Доктора подозревали депрессию и даже предсказывали умопомешательство. Этого нельзя было допустить — Энн могла лишиться доступа к своему капиталу, попасть в зависимость от алчных родственников. Дженгельмен Джек испугалась и за нее, и за себя — без супруги она станет никем, останется ни с чем. Существовал один лишь выход — новое путешествие, изматывающее, интересное, на полгода или больше. Куда-нибудь далеко, хоть на край земли, а лучше... Лучше в дикую, жуткую, интересную, малопонятную страну — в Россию. Они уедут, уберут в Россию! А когда вернутся, все как-нибудь само устроится, уладится, растрясется, образуется. Нужно ехать, нужно забыть о проблемах, обидах, о любви к Мариане. В поездке они с Энн сблизятся, срастутся, станут настоящими верными понимающими супругами — Листер очень на это надеялась. Она ожидала, что Энн не откажет, что даст денег, согласиться ехать с ней. Мисс Уокер выслушала свою супругу и безропотно согласилась. Да и был ли у нее выбор?

Еще в юности Листер читала книги о баснословной Московии, Сибири и Лукомории, о том, как куржавые крестьяне били французов при Бородине и французы отступали, задыхались в снежных вихрях, тонули в сугробах. Брат Изабеллы Норклиф, зная страсть Анны к путешествиям, частенько ее дразнил — то хвастал своими альпийскими похождениями, то сочинял истории, как едва не погиб в морской качке. Из России, куда он таки добрался, написал: «Анна, знай — кто не видел Санкт-Петербург, не видел ничего!» И задетая Листер уже готовила достойный ответ — представляла себя, черную и героическую, в цилиндре и сюртуке, посреди шумной ярмарочной сутолоки, окруженной полудикими гаркающими варварами и танцующими под балалайку медведями. Она уже слышала звуки придворного оркестра, вальсировала в золотом леденцовом крошеве дивных мраморных имперских залов, и ее голова кружилась от жирного блеска эплет, от сладкого пудрового запаха разгоряченных дамских тел...

Нет. Брат Изабеллы был неправ. Россия лишь начиналась в Санкт-Петербурге. Чтобы ее увидеть, нужно было отправиться вглубь, в Самару, Нижний Новгород, Астрахань, на Кавказ. Она чувствовала, что безграничная полудикая Россия ей по плечу и по сердцу — она желала исследовать ее, познать и покорить, словно капризную любовницу. И Джентльмен Джек набросала смелый сложный маршрут, назвав Энн лишь две его точки: «*Санкт-Петербург и Москва. Дальше — посмотрим*». Но дальше Уокер категорически не хотела, дальше был невыразимый безграничный ужас. Ее Россия заканчивалась хищными зубцами кремлевских стен. На эти глупые слова Анна лишь ухмыльнулась: джентльмен никогда не спорит с дамами.

Их путешествие началось в 2 часа 50 минут 20 июня 1839 года — дневник, как всегда, точен. С двумя слугами, Кристианом и Катариной (Гротцей) Гросс, и огромным тяжелейшим багажом (800 килограммов основной поклажи и 700 килограммов дополнительной) подружки беглянки покинули Шибден-холл. В Лондоне купили компас, телескоп, запасные часы, кое-что по мелочи и получили заграничные паспорта — мисс Уокер была объявлена «племянницей мадам Анны Листер». Они переехали в Дувр, оттуда — в Кале и на пароме — в Копенгаген. Пересекли пролив Эресунн, из шведского Хельсингборга ненадолго заехали в Норвегию, побродили по Осло, накупили подарков родным. 22 августа были в Стокгольме. Там их ожидал паром, шедший в Або*, первый город на пути их бегства в Россию.

* В 1809 г. Финляндия была присоединена к Российской империи после многих веков шведского владычества. Первые десятилетия российского правления официальным языком в стране оставался шведский, также сохранялись шведские названия населенных пунктов. Вот почему в этой главе используются именно они. Финское (и современное) название города Або — Турку. *Здесь и далее примечания редактора.*